

Е. В. МАРКОВСКАЯ
(Петрозаводск)

**Д. М. БАЛАШОВ И КАРЕЛИЯ:
«ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПЕРИОД»
В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ**

Аннотация. В статье освещается научная и собирательская деятельность известного писателя и фольклориста Д. М. Балашова период его работы в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Ключевые слова: фольклористика, фольклористы, собирательская деятельность, Д. М. Балашов.

В 2012 г. известному писателю и фольклористу Дмитрию Михайловичу Балашову исполнилось бы 85 лет. В его биографии был период, когда он весь свой талант, энергию и время посвящал изучению и собиранию русского фольклора. С 1960 по 1969 гг. он работал в Петрозаводске в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского филиала АН СССР (ныне Карельский научный центр РАН). И хотя этот период не был очень продолжительным, он, несомненно, оказал большое влияние на писательскую деятельность Д. М. Балашова и способствовал написанию исторических романов. Экспедиции по Русскому Северу, встречи с мастерами исполнения былин, песен, сказок, а впоследствии жизнь в деревенских условиях помогли ему достоверно рисовать картины жизни Древней Руси и людей, живших в столь отдаленную от нас эпоху. Ценнейшее наследие, которое оставил нам Д. М. Балашов, — это не только плоды его писательского труда, но и значительные рукописные и звуковые фольклорные коллекции, сборники баллад, сказок, обрядовой поэзии, научные работы.

Д. М. Балашов родился 8 ноября 1927 г. в Ленинграде. По образованию он театровед, в 1950 г. с отличием закончил дневное отделение Ленинградского государственного театрального института им. А. Н. Островского. После учебы занимался культпросветобразованием в Вологодской и Новгородской областях. В 1952 г. вернулся в Ленин-

град, и так как работу по специальности было найти очень трудно, он сменил несколько профессий: был лаборантом в гимназии, рабочим в Московском парке Победы, художником, руководителем театрального кружка [Балашов 2005, 6]. «И вот все эти беды и борьба за выживание привели Дмитрия в Пушкинский дом, где работал знаменитый академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Сначала он посещал лекции, слушал доклады, а потом и сам стал выступать <...> В Пушкинском доме он получил одобрение своей деятельности Д. С. Лихачева и скоро стал аспирантом Пушкинского Дома» [Балашов 2005, 6]. Руководителем его научной работы была А. М. Астахова. В 1959 г. Д. М. Балашов закончил аспирантуру, а в 1962 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Древняя русская эпическая баллада».

Еще будучи аспирантом, в 1957 г. Д. М. Балашов принял участие в экспедиционных работах на территории Карелии (Шуерецкое, Поньгома, Кемь) и Мурманской обл. (Умба, Чаваньга, Тетрино, Кузомень, Варзуга), когда в учебных целях был прикомандирован к студенческой экспедиции ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР на Карельский берег Белого моря. По окончании командировки по своей инициативе переехал на Терский берег для продолжения экспедиционных работ. А. М. Астахова пишет: «Овладев техникой магнитофонной записи, Д. М. Балашов сделал ряд удачных магнитофонных записей. Собранные материалы строго документированы, окружены интересными и важными наблюдениями над современным состоянием классического фольклорного наследия в Карелии. Обзор собранных материалов с предварительными выводами опубликован Д. М. Балашовым в сборнике “Русский фольклор”, т. IV. Результаты работы Балашова в Карелии показывают незаурядные способности его как собирателя» [НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 135]. В Научном архиве сохранилась машинописная копия экспедиционного отчета на 19 листах (на первом листе есть запись, что оригинал хранится в Рукописном архиве Пушкинского дома). В отчете о проведенной экспедиции Д. М. Балашов указывает, 129

что привез 900 записей. Старшие исторические песни и плачи не удалось обнаружить. Частушки записывал походя, только досельные, и специально их не искал. Возраст исполнителей в целом от 50 до 60 лет. Иногда старше, до 70 и более, реже младше. В этом же отчете Д. М. Балашов с огорчением пишет, что ему удалось с огромными трудностями получить в Институте любительский магнитофон Эльфа-6 и две кассеты, которые были исписаны целиком в первом пункте работы — в Шуерецком. А поэтому вместо трехсот-четырехсот музыкальных записей, которые можно было сделать при наличии хорошего прибора и пленки, сделал лишь 59 — сколько уместилось на двух имеющихся кассетах [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 44. Л. 2—20]. Д. М. Балашов понимал ценность и необходимость осуществления звуковых записей, и ему приходилось преодолевать много препятствий с техническим оснащением своей полевой работы. Из-за нехватки пленки он производил звуковые записи песен в отрывках.

В июне 1960 г. Д. М. Балашов в качестве научно-технического сотрудника и Ю. К. Бегунов — младший научный сотрудник Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР были командированы в Печорский район Коми АССР в археографическую экспедицию [Балашов, Бегунов 1962, 420]. Экспедиция прошла успешно, за 25 дней было исследовано 22 населенных пункта, приобретено 16 рукописных книг XVI—XX вв. В опубликованном отчете об экспедиции виден серьезный интерес Балашова не только к рукописям, но и к традиционной культуре населения Печоры. Эта поездка добавила экспедиционного опыта и открыла для исследователя фольклорное богатство древней печорской земли, которое он изучал и в дальнейшем.

В Карельский филиал АН СССР Д. М. Балашов поступил на должность младшего научного сотрудника в октябре 1960 г. В Научном архиве КарНЦ РАН сохранилось личное дело Д. М. Балашова. В нем, кроме стандартного набора документов, включающего автобиографию, отчеты о проделанной работе, копий дипломов, списков на-

учных трудов, справок по командировкам и др., содержится характеристика Д. М. Балашова, написанная его научным руководителем А. М. Астаховой, рекомендовавшей его на работу в Институт ЯЛИ [НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 135].

Во время работы в Институте языка, литературы и истории Балашов продолжил экспедиционную работу по сбору произведений фольклора и изучению традиционных обрядов, прежде всего свадебного. В июле 1961 г. состоялась уже вторая фольклорная экспедиция Д. М. Балашова на Терский берег, вместе со студентами Петрозаводского университета Н. Петровой, Т. Леонидовой, О. Курочкиной, А. Рогозиной, С. Соломатиной. Были повторно обследованы Умба, Варзуга, Кузомень. Записи производили также в Кандалакше. Полевые записи Д. М. Балашова отличаются большим вниманием, уважением и профессиональным интересом к личности исполнителя. Так, в этой экспедиции, в селе Кузомень он производил записи от сказочницы Елизаветы Ивановны Сидоровой. В своих заметках он отмечает: «Елизавета Ивановна — выдающаяся сказочница. В 1957 г. я записал от нее 20 сказок и одно предание. Сказки ее отличались стройностью и полнотой. Чувствовалось большое мастерство сказочницы. К сожалению, значительная часть ее репертуара уже тогда была утрачена. В прошлом году с ней произошло несчастье — сломала руку. Сейчас память ее ослабла, к тому же лучше из того, что она знала, уже было записано. Сказки, помещенные ниже, уже далеко не так хороши, как прежние. Некоторые тексты просто спутаны и полузабыты, по признанию самой Елизаветы Ивановны. В этот приезд я записал на пленку одну из ее прежних сказок <...> (к сожалению Е. И. волновалась при записи). Кроме сказок Елизаветы Ивановна знала множество песен, пословиц, загадок. Записал я от нее и разговоры. Речь Елизаветы Ивановны буквально пересыпана “цитатами” из фольклора и до сих пор отличается свежестью, юмором и меткостью сравнения. Сама она местная. Родни — полдеревни. В Кузомени помнят, как замечательно рассказывала она некогда сказки по вечерам

на тонях (в рыбацких избушках), передают, что репертуар ее был неистощим. Старость, болезни, увечья, частичный паралич не подорвали в сказочнице до сих пор живого интереса к людям и к жизни. Слушать ее обычный разговор иногда чрезвычайно интересно — такая речь у нее красивая» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 38. Л. 1].

В конце 1961 — начале 1962 г. состоялась еще одна экспедиция на Терский берег с сотрудником Пушкинского дома С. Н. Азбелевым. В ходе экспедиции был снят получасовой документальный фильм, включающий реконструкцию основных этапов старинной свадьбы и сохранившиеся святочные обычаи (катание с гор, выпечка «козуль» и дарение их детям, хождение шелюханов (ряженных)). Съемки фильма происходили в основном в Варзуге, но отдельные фрагменты о святках были сделаны в Тетрино и Чаванге. Параллельно с этим Д. М. Балашов записывал от руки и на магнитофон различные жанры, но основное внимание продолжал уделять записи песенного фольклора и сказочной традиции.

Теоретические исследования Балашова в это время касаются в основном происхождения и определения жанрового своеобразия баллад [Балашов 1962]. В 1962 г. на заседании сектора обсуждалась статья «Русские народные баллады». Известный карельский литературовед Э. Г. Карху говорил, что работа производит благоприятное впечатление. Она может служить примером концептуального исследования, когда у автора есть четкая общая идея, вокруг которой он организует материал. Исследование привлекает своим историзмом, но не тем ограниченным историзмом, который довольствуется выявлением исторических реалий (упоминаний об исторических событиях, личностях, вещественно-бытовых деталях и т. д.). Такие реалии сами по себе любопытны, но объяснить художественного произведения еще не могут. Балашов в своей работе пытается определить тот тип народного сознания и социальных коллизий, который отразился в балладе. В этой связи представляет интерес сравнение «эпического сознания» и эпической поэзии с балладой [НА

КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 78. Л. 44]. Эта работа стала основой для вступительной статьи в сборнике «Народная баллада», вышедшем в Большой серии «Библиотека поэта» в 1963 г., составителем которого был Д. М. Балашов. В статье он формулирует понятие русской баллады и рассматривает историю развития этого жанра со времени ее появления и до угасания. (Немного позднее его работа по этой теме будет опубликована отдельной книгой [Балашов 1966].) Как отмечает Балашов, баллада относится к наименее изученному жанру, и только активные исследования последнего времени дали возможность определения этого жанра и позволили более четко выделить круг балладных сюжетов. Так, по определению Балашова, «...баллада — эпическая (повествовательная) песня драматического характера. Стих старинных или классических русских баллад — тонический, нередко былинный. Напевы многих баллад также близки к напевам былин, но отличаются большей легкостью и свободой варьирования. Форма стиха и отсутствие рефрена отличает русскую балладу от западноевропейской» [Народные баллады 1963, 7]. Рассматривая историю становления этого жанра, Балашов отмечает, что классическая баллада возникает в XIII—XIV и практически затухает в XVII—XVIII вв. Позже, в XIX столетии появляется новая баллада полулитературного характера, в значительной степени «мещанская», отражающая «ущербные художественные вкусы этой среды». Он пишет, что в период русского средневековья послемонгольской эпохи (XIV—XVII в.) баллада была одним из ведущих песенно-эпических жанров. Однако, по мнению Балашова, не изучен вопрос о воздействии баллады на рождавшуюся в XVII столетии русскую демократическую литературу. По его представлениям, это воздействие было достаточно сильным, в чем-то «определяющим» и дает основание «говорить не о воздействии, а о родстве эстетических принципов этих двух творческих направлений». В статье Д. М. Балашов поднимает еще одну проблему: создание на балладной основе в народной и полупрофессиональной среде поэм. Он показывает

различные пути угасания балладного жанра на юге и на севере страны. Если на юге и в средней России пышным цветом расцвела лирическая протяжная песня, то север долгое время стойко сохранял эпические традиции. Баллады на севере продолжали существовать и даже создавались вплоть до XX столетия. На короткое время они получили как бы новую жизнь, усиленно распространялись в тех местах, где только-только исчез былинный эпос. Но этот поздний «расцвет» был недолгим, неизбежные процессы изменения художественного сознания настигли балладу и здесь. Балашов приводит динамику и рассматривает «ломку» баллады в условиях севера России. Так, на протяжении XVIII—XIX вв. затухание балладного жанра на севере выражалось в том, что новые сюжеты всё больше создавались на сказочно-новеллистической основе и меньше отражали конфликты окружающей действительности. Изменившаяся жизнь не укладывалась в старые поэтические каноны. Многие сюжеты этих поздних баллад — по природе своей очень нестойкие — забылись, не будучи записанными, о чем можно судить по наблюдениям и расспросам ряда собирателей севернорусского фольклора. В старых сюжетах происходит смягчение трагических развязок, наряду с этим — насыщение бытовыми деталями, «разбухание» текста, потеря краткости, хотя можно указать и на обратный процесс — окостенение балладной формы. В конце концов, баллада ломается. Д. М. Балашов видит вариант пути превращения баллады в эпическую песню: происходит переоформление рассказа «от автора» в рассказ от первого лица, от лица героя, что является первой ступенью превращения баллады в эпическую песню, впрочем, такое превращение происходит редко, чаще всего баллада попросту перестает исполняться и забывается [Народные баллады 1963].

Б. Н. Путилов в рецензии на рассматриваемый сборник говорит, что его нужно оценивать как несомненный успех исследователя. Он соглашается с рядом основных выводов автора, среди которых — вывод о том, что баллада в ее классическом виде отражает социальные, бытовые, семейные коллизии

феодалного общества, а не дофеодалного, как предполагалось некоторыми исследователями ранее, а также о том, что баллада в своем отношении к действительности, в основах своей поэтики складывается как антитеза героическому эпосу и возникает позже эпоса. Основные замечания рецензента касались отдельных текстов, которые составитель включил в сборник (это исторические песни, былины, духовные стихи, в которых проявляются элементы балладной эстетики), а также датировки и географии возникновения отдельных сюжетов. Несмотря на ряд замечаний, Б. Н. Путилов признает бесспорной познавательную и литературную ценность издания. Он считает, что в фольклористическом плане книга содержит много нового, свежо и интересно проработанного материала, автор ставит важные историко-фольклорные вопросы, заставляет спорить о развитии русского классического фольклора [Путилов 1964, 204—208].

В это же время Д. М. Балашов принимает участие в работе над сборником «Антология Карельской поэзии», где составляет раздел по русскому фольклору Карелии. В том же 1962 г. на заседании сектора литературы и народного творчества обсуждалась плановая тема Д. М. Балашова по русскому фольклору Терского района. Исследователь представил не только планы работы, но и новые авторские методологические подходы. Он говорил, что над этой темой работают некоторые сотрудники Пушкинского Дома и что работа будет первым этапом по исследованию культуры Поморья и Карелии. Он планировал и музыкальное оформление текстов. Комплексность исследования он понимал в смысле изучения народной культуры как единого процесса развития фольклора. Необходимость представления народной культуры отдельного района Д. М. Балашов объяснял фактическим отсутствием достоверного материала для решения теоретических вопросов именно современного состояния народного творчества. В докладе «Вопросы современного состояния фольклора (к теме монографического изучения фольклора Терского берега Белого моря)» на научной конференции, по-

священной итогам работ Института ЯЛИ за 1962 г., Д. М. Балашов привел основные принципы, которыми он руководствовался в собирательской работе: «а) фольклор, бытующий в районе (как “старый”, классический, так и новый, городского происхождения), составляет единое целое, единую художественную культуру нашего времени; б) основное внимание необходимо обратить на устную народную (фольклорную) культуру, лишь попутно учитывая общекультурные явления (кино, влияние газет, книг, школы и пр.), ибо в противном случае создается угроза потери специфики фольклористического исследования; в) нет необходимости изучать бытование фольклора “незаметно” от исполнителя, как это предлагалось некоторыми молодыми фольклористами; г) возвращения в одно и то же место могут заменить жизнь в исследуемом районе в течение длительного периода (требование, усиленно выдвигавшееся в последние годы); д) при изучении художественных процессов точные статистические данные не обязательны (т. е. не нужно изучение всех альбомов, репертуара всех семей и пр.). Правильнее изучать типичные образцы явления — типичные семьи, характерных исполнителей и пр.; е) допустим метод реконструкции (нарочитой) фольклорных явлений. Такой реконструкцией, в частности, явилась постановка свадьбы, предпринятая нами в Варзуге, на Терском берегу» [Балашов 1963, 56—57]. Приведенные выше принципы собирательской работы актуальны и сегодня, они объясняют специфические черты фольклорных коллекций Балашова: широкий жанровый диапазон, запись всех ремарок исполнителя произведения, внимание к личности исполнителя (характеру, занятиям, внешности, социальному и семейному положению и пр.).

В начале шестидесятых годов теоретическую работу Балашова продолжают активно дополнять полевые исследования. Так, в декабре 1962 г. Д. М. Балашовым и сотрудниками Института А. С. Тупицыной (Степановой) и Ю. Е. Красовской были обследованы Умба, Лесное, Пялицы, Чапама, Стрельна. В этой поездке Балашову

удалось значительно пополнить сказочную (более 50 текстов) и песенную (более 70 текстов) коллекции Терского берега.

В 1963 г. состоялась поездка на Печору. Рукописных материалов в Научном архиве не сохранилось, представлена лишь звуковая часть записей в фонограммархиве Института ЯЛИ. В этой поездке большое внимание Балашов уделил песенным жанрам, но также ему удалось записать на магнитофон две былины и ряд духовных стихов с напевами. В этой экспедиции он познакомился с усть-цилемскими сказителями Г. В. Вокуевым, В. И. Лагевым, от которых в следующий приезд записывал былины. Профессиональный подход к собирательской работе и авторские теоретические разработки Д. М. Балашова заинтересовали других исследователей, и в декабре 1964 г. он был приглашен в качестве консультанта к участию в экспедиции на Печору с киногруппой, снимавшей фильм «В поисках удивительных книг». В фонограммархиве ИЯЛИ хранятся ценные аудиозаписи, преимущественно былин, записанных в этой поездке. В статье «Печора и ее сказители» Д. М. Балашов рассказывает о своей работе со сказителями этого района. Так, в д. Боровской Усть-Цилемского района Д. М. Балашов записал знаменитого Еремея Чупрова, по мнению А. М. Астаховой — лучшего сказителя Печоры. «Еремей Провович Чупров, 77-летний сухошавый старик, был необычен: черноволок, с небольшой бородкой, опушившей лицо, с глубоко посаженными глазами и прямой линии лба и носа, от чего в профиль он напоминал ранние коненковские скульптуры, вырезанные из дерева, и весь, казалось, был из сказки, от леса, от поэзии. Жизнь Еремей Провович прожил охотником, по месяцам не бывая дома <...> Я приладил магнитофон, и Еремей Провович запел. Как-то неудобно сравнивать пение с несущимся ревущим потоком, да и неверно это сравнение, не то... Но, слушая Еремея Прововича, — пел же он во весь голос, страстно, сильно, упоенно, — я вживе ощутил героический накал эпической поэзии, эту бурю страстей, это величие характеров, способных только так, на-

пролом и до конца, идти во всех своих делах, вернее, — деяниях <...> Конец былины Еремей Провович досказывал словами, еще горя увлечением, еще весь переживая то великое, прикоснуться к чему он позволил и мне (теперь мне страшно подумать, что я мог, — а ведь мог! — никогда в жизни не услышать пение Еремея Прововича Чупрова!)» [Балашов 1965а, 83]. Это удивительное описание сказителя во время исполнения дает представление и о Д. М. Балашове как истинном ценителе того богатого наследия, в сохранении которого он принял самое активное участие.

Летом 1964 г. состоялась очередная поездка на Терский берег (частично совместно с Т. И. Орнатской). Обследованы населенные пункты Лесное, Варзуга, Оленица. В экспедиционном отчете Балашов говорит, что получилось выверить и добрать материал для свадебного сборника, музыкальные записи ряда редких песен, тексты которых были записаны ранее, а напевов не было. Удалось обследовать Порью Губу и Кашкаранцы, где ранее не бывали, записать семь новых свадебных песен и более двадцати сказок.

Будучи человеком глубоко влюбленным в древнюю Русь, он считал своим долгом сделать полученные им фольклорные материалы достоянием общности. Благодаря его убежденности в важности этой работы часть северных материалов удалось записать на пластинки. Так, образцы народно-песенного материала, собранные Д. М. Балашовым на Терском берегу, получили высокую оценку специалистов. По его инициативе во время Всесоюзного смотра художественной самодеятельности в Ленинграде в 1964 г. фирмой «Мелодия» была произведена магнитофонная запись ряда песен народного хора с. Варзуга для последующего массового издания пластинок. По его представлению внимания общественности заслужили и сказители Печоры. Д. М. Балашов записал ранее неизвестный вариант былины о Дюке Степановиче и обследовал былевой репертуар таких сказителей, как В. И. Лагеев, Г. В. Вокуев, Е. П. Чупров и Т. Л. Чупров, А. Л. Чупрова. Всесоюзная студия грамзаписи записала от этих сказителей

былины общей продолжительностью 5 часов звучания для последующего издания пластинок.

В целях пропаганды образцов собранного народно-поэтического материала Д. М. Балашовым был подготовлен ряд публикаций: очерк «За народной песней» в журнале «На рубеже» (1961, № 6), статья о русских народных балладах в еженедельнике «Неделя» (1964, 19 мая), две заметки в газете Терского района «Коммунист», статья «Терский берег: очерки народной культуры русского Севера» в журнале «Молодая гвардия» за 1969 г. Продолжительную жаркую дискуссию вызвала статья «Традиционное и современное» в одном из номеров журнала «Наука и религия» [Балашов 1965б], в которой Дмитрий Михайлович предлагал вернуть многое из утерянных обрядов. Он утверждал, что старые обряды в новой форме и с измененным значением привьются гораздо скорее и успешнее, чем придуманные заново. И в качестве удачного примера перенесения старого обряда на почву новых общественных отношений он привел новогоднюю елку. Традиционные обряды, по мнению Д. М. Балашова, стоит вводить в наш быт, насыщать ими нашу жизнь, а это, в свою очередь, приведет со временем к появлению новых обрядовых форм там, где они будут необходимы. Эти очень смелые и не очень соответствующие идеологии того времени высказывания вызвали самые разные отклики заинтересованных читателей и ученых в нескольких последующих номерах журнала.

В 1965 г. руководство ИЯЛИ высоко оценило работу Д. М. Балашова: «...учитывая обширность и научно-культурную ценность собранного Балашовым материала и проявленный при этом энтузиазм, настойчивость и энергию, сектор литературы и народного творчества представляет м. н. с. Балашова к премированию в размере двухмесячного оклада» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 174]. В обосновании этого решения было написано: «<...> экспедиционную работу по собиранию фольклора в Карелии Балашов начал в 1957 г., будучи аспирантом АН СССР, в течение 50 дней записывал сказки,

эпические и лирические песни в Кемском районе совместно с петрозаводскими студентами <...> затем в период 1961—1964 гг., являясь сотрудником Петрозаводского ИЯЛИ АН СССР, Д. М. Балашов совершил 4 длительных поездки на Терский берег Белого моря и 2 поездки к сказителям Печоры. Общая продолжительность этих поездок в труднодоступные районы составляет около 200 дней. В это время Д. М. Балашовым собран весьма внушительный фольклористический и этнографический материал, представляющий большую научную и культурную ценность. Он включает до 1000 вариантов лирических песен (протяжных, плясовых, романсов), примерно на 300 различных сюжетов; около 300 сказок, около 250 свадебных песен (более 40 сюжетов), до 80 былин и множество образцов других фольклорных жанров» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 44. Д. 174. Л. 101—103]. Гораздо более ценной наградой за большую работу по сохранению и популяризации традиционной культуры можно считать установление в селе Варзуга на здании местного клуба мемориальной доски в честь Дмитрия Михайловича Балашова. На ней выбиты в камне слова Балашова: «Именно в Варзуге я понял, что такое настоящая русская культура».

Показателем огромной проделанной собирателем работы может служить опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, которые хранятся в архиве Карельского научного центра РАН [Шибанова 2008].

Итогом работы в продолжительных экспедициях на Терское побережье (1957—1964 гг.) можно считать и издание книг: (в соавторстве с Ю. Е. Красовской) «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» (1969) и «Сказки Терского берега Белого моря» (1970). «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» представляют собой первую публикацию описания обряда со всеми песнями свадебного цикла и нотными расшифровками напевов к ним. В предисловии к книге Д. М. Балашов отмечает, что на тот период времени, когда выполнялась эта работа, не было исследований русского свадебного обряда, сопровождавшихся

нотными записями напевов. В этой работе был предложен метод целостного описания свадебного обряда, который лег в основу последующей работы по Вологодской обл. под руководством Д. М. Балашова, а также изданий по локальным традициям русской свадьбы других исследователей (см., например, [Русская свадьба 1980]).

Сборник сказок Терского берега широко представляет сказочную традицию Терского района. Балашов отмечает, что она не исчерпана, он пишет: «Да кто бы мог исчерпать живое, вечно меняющееся море устного рассказа?» [Балашов 1970, 6]. Составитель уверен, что терские сказки отражают общерусскую, точнее — севернорусскую сказочную традицию. Вместе с тем, сказки Терского берега обладают особым, своим «ароматом». Своеобразие терского сказочного репертуара, по мнению Балашова, заключается в том, что он впитал в себя сказочные традиции карел и саамов. По наблюдениям Д. М. Балашова, русские переняли от саамов сюжеты сказок о животных, а «карельское» влияние прослеживается на сюжетах волшебных сказок. Полнее всего на Терском берегу представлены сказки волшебные, для которых характерен ярко выраженный патриархальный демократизм, они включают описания северного пейзажа (пустота, безлюдье), непременной чертой их является упоминание моря, город, куда ездят сказочные герои, почти всегда «Архангельско» [Балашов 1970, 27]. Исследователи часто связывают упадок жанра сказки с появлением грамотности, однако размышления автора привели к другому заключению. Анализируя ремарки рассказчиков в своих полевых записях, Д. М. Балашов приходит к выводу, что «сказка хоть и воспринималась как вымысел, но вызывала аналогии из своей собственной жизни. А аналогии были возможны, пока существовал почти неизменный крестьянский быт, а теперь он уходит в прошлое — вот основная причина гибели сказки» [Балашов 1970, 18].

К концу 1960-х г. Д. М. Балашов всё еще оставался младшим научным сотрудником, и его положение в институте было неоднозначным. «Если сотрудни-

по-доброму, с пониманием относились к нему, то в отделе науки Обкома партии о Балашове говорили с многочисленными паузами» [Дюжев 1997, 149]. Балашов был человеком горячим, прямым, откровенным и громко говорил то, что думал. Как писал в своих воспоминаниях К. В. Чистов, «...Балашов часто говорил о Сталине, он считал, что сталинское правительство то же самое, что нацистское правительство. Сейчас у нас об этом пишут открыто, а тогда подобного рода мысли были, конечно, невероятными» [Чистов 2006, 152]. «К 50-летию Советской власти, праздновавшемуся пышно и торжественно, Балашов был обложен со всех сторон, и оставалось лишь найти повод для его увольнения. Когда этот повод появился, <...> ему предложили подать заявление об увольнении» [Дюжев 1997, 150]. Заявление звучало так: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья работать в институте прошу уволить меня по собственному желанию пятого мая 1969 г. (от 5 мая 1969 г.)» [НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 135]. Так закончился официальный «фольклорный период» в жизни выдающегося исследователя Д. М. Балашова.

Это было тяжелым испытанием, поскольку Д. М. Балашов всегда считал себя прежде всего исследователем фольклора. Его глубокая патриотическая убежденность в актуальности сбора быстро уходящего народного эпоса и необходимость завершения работ, которые были начаты, привели к тому, что еще длительное время он, уже будучи уволенным из Института, продолжал заниматься фольклористикой. В 1971 г. по линии Общества «Знание» в цикле «Памятники русской культуры» он выпустил руководство по сбору произведений устного народного творчества «Как собирать фольклор» [Балашов 1971], которое до настоящего времени остается актуальным методическим пособием. Через несколько лет после ухода из Института, в 1975 г., он принял участие в экспедиции в Вологодскую обл. (участники — Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова и И. А. Серый), по результатам которой было подготовлено объемное издание

Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области)» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985]. В предисловии отмечено, что в публикации продолжена разработка метода целостного описания свадебного обряда, предложенного еще при издании «Русских свадебных песен Терского берега Белого моря». Этот метод был полностью использован при работе в Тарногском районе Вологодской обл., где было учтено разнообразие местных вариантов, их историческая эволюция, материалы были рассмотрены в единстве историко-этнографических, словесно-художественных и музыкальных компонентов. Работе под руководством Д. М. Балашова предшествовали многолетние экспедиции студентов Ленинградской консерватории в Вологодскую область. В студенческую работу были включены обширные районы Восточной Вологодчины бассейна реки Кокшеньги, где были изучены фольклорные традиции, проведены тысячи записей, выявлены талантливые исполнители, найдены местные, стихийно образовавшиеся «ансамбли», от которых был записан свадебный фольклор. Анализ этих бесценных материалов и последующие собственные исследования позволили Д. И. Балашову, Ю. И. Марченко и Н. И. Калмыковой впервые дать описание целостного свадебного обряда исследуемого района. В результате было подготовлено это уникальное издание. Данная работа показала оригинальность мышления и большой творческий потенциал Д. М. Балашова как фольклориста.

После ухода из ИЯЛИ Д. М. Балашов продолжил активно разрабатывать свои теоретические представления относительно происхождения фольклорных жанров и их взаимосвязей с исторической действительностью. В 1983 г. Дмитрий Михайлович опубликовал на эту тему статью, в которой он обратился к исследованию эпоса и выделил два взаимосвязанных вопроса: изучение поэтической структуры эпоса, ее появления, складывания, поэтического развития и угасания; и изучение происхождения и развития сюжетной структуры эпоса. Новое авторское виденье Балашова касается второй составляющей, связанной

с выделением отдельных периодов эпического творчества, оставивших свой след в сюжетике, и поиском не факта, а эпохи, времени, исторической формы сознания, отраженных эпосом. Для понимания исторического развития эпоса автор использует теорию Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли». Согласно этой теории каждый народ проходит определенный путь в соответствии с «кривой этногенеза», характеризующейся сначала резкой вспышкой, а затем медленным угасанием психической сверхэнергии, названной Гумилевым «пассионарностью». Эта сверхэнергия и позволяет создавать всё то, что запечатлевается позднее в зримых памятниках культуры (в камне, слове, звуках, живописи) и исторических деяниях, зафиксированных в хрониках и преданиях народов. Первая стадия этногенеза — это всегда мощное движение этноса в целом, с идеологией нерасчлененного героического осознания своих задач. Позднее выделяется личность, противостоящая массе, еще позднее создаются конструкции государственных систем, и т. д. Весь этот процесс до полного выхода пассионарности занимает приблизительно 1200—1400 лет. По гипотезе Балашова, эпос — это явление словесной художественной культуры народов, находящихся на подъеме пассионарности, и его гиперболизм не что иное, как образное отражение этого подъема, своеобразное «богатырское самоощущение» народов. В дальнейшем, в пору создания государственности, эпос превращается в учительное наследие, память славного прошлого и общенациональные заветы старины. Кроме того, в эту аналогию с гипотезой Гумилева Балашов вносит одну важную оговорку: «искусство в целом создается скорей на спаде пассионарности. На подъеме люди действуют, добываясь практического осуществления своих идеалов. Поэтому эпос должен складываться в законченную поэтическую картину “спустя время”, когда героические события, коим он посвящен, уже ошутимо отодвинулись в прошлое, т. е., отражая “пассионарный подъем” этноса, эпос в значительной мере мог и должен был твориться позднее самых героических событий» [Балашов 1983, 106]. По мне-

нию Балашова, самый поздний «пласт» эпического творчества, который формировался в эпоху угасания эпоса, сохранялся как реликт в памяти северного крестьянина.

Балашов определял эпос как высокое искусство, торжественную повествовательную песнь о героях (точнее, о героической старине), развертывающую картину учительной, идеальной древности; иначе — представляющую в черед типовой богатырей идеализированный национальный характер.

Разбирая корни былинных сюжетов в соответствии с теорией Гумилева, Балашов пришел к выводу, что где-то около середины первого тысячелетия до нашей эры следует искать самые древние истоки наших былин, появившиеся при живом контакте древних праславян со скифской культурой. Однако рождение современного нам русского этноса связано с XIII—XIV столетиями, когда предшествующий ему славянский этнос, создавший киевскую державу, уже был при своем конце. Тот, киевский, этнос образовался в результате пассионарного толчка I—II веков н. э. Но поскольку все эти сменяющие друг друга этносы относились к одной языковой группе, то постоянно происходила передача культуры, знаний, накопленных традиций и, в частности, эпических сюжетов. И передача силы умирающего Святогора Илье Муромцу отражает подобный процесс перехода традиций отжившего этноса к родственному ему юному и полному сил народу.

Д. М. Балашов считал, что Московский период существования русского эпоса был последним его творческим периодом. Создания нового эпоса (как на Украине) тут не произошло, народ воспользовался имеющимся эпическим наследием, наполнив его, однако, новым содержанием. Произошло грандиозное переоформление эпической сюжетики. В это время эпос уже ошутимо отодвигается, уходит в прошлое. Возникают новые творчески активные жанры эпических песен: баллада, бытовая и историческая [Балашов 1983].

Эта дискуссионная статья представляет собой тот накал «пассионарности», который был свойственен самому Д. М. Балашову и который он так ост-

ро ощущал в сказителях: «...этот ослепительный гнев и безмерное благородство, пережившие десять столетий трудной нашей “классовой” истории, сохраненное крестьянами как память и как надежда, вековечная крестьянская вера в свое конечное торжество и бессмертие» [Балашов 1965, 83].

Одновременно с научными исследованиями продолжают выходить исторические романы. Как считал К. В. Чистов, «Балашов был самым сильным историческим романистом последней трети XX-го столетия. Его романы — это не просто пересказы какого-то школьного учебника <...> у него всегда есть своя собственная мысль, свое понимание истории» [Чистов 2006, 153—154]. Сильной стороной его писательского таланта было хорошее знание фольклора и, как справедливо отмечает Ю. И. Дюжев, «...не книжное усвоение фольклора привлекает в прозе Д. М. Балашова, а присущее прозаику умение растворить фольклорные традиции в литературе, познать сам дух народного творчества, его эстетику и этику, протянуть “звенья памяти” от народного эпоса — в сегодняшний день, к нравственным исканиям современного человека» [Дюжев 1997, 151].

Россия больше знает Балашова как писателя, меньше — как фольклориста. Хотя, возможно, он как фольклорист значительнее. «Если бы всё им сделанное в фольклористике удалось собрать, мы бы имели памятник мирового значения. Причем его размеры мы не знаем, потому что наследие Балашова ученого рассредоточено. Но для меня очевидно, что без Балашова-фольклориста не было бы Балашова — автора исторических романов...» (из выступления Николая Коняева на VI Балашовских чтениях) (цит. по: [Коржов 2007]). Весь период творческой деятельности Д. М. Балашова условно можно разделить на три этапа: первый — фольклорный период, когда он много записывал и изучал разные жанры фольклора; второй включает продолжение фольклорного периода, в котором он творчески обрабатывает записи, работает с летописями и исторической литературой и пытается понять жизнь человека Древней Руси, создав «модель» быто-

вой семейной жизни старого времени. Этот период жизни многолетней семьи Д. М. Балашова в деревне Кондопожского района в Карелии заслуживает самого пристального внимания исследователей — это был уникальный «модельный» эксперимент. Возможно, он сыграл ведущую роль в становлении его как писателя. Третий период — «исторический». Д. М. Балашов стал не только писателем, который теоретически знал историю Московской Руси, был близко знаком с яркими представителями мира сказителей и образами народного эпоса, но и человеком, который глубоко прочувствовал особенности уходящей деревенской жизни. Таким образом, можно считать, что все основные этапы в развитии этой богатой уникальной пассионарной личности были пройдены в «карельский» период его жизни¹.

Литература

Балашов 1962 — *Балашов Д. М.* Постановка вопроса о балладе в русской и западной фольклористике; Василий и Софья (баллада о гибели влюбленных) // Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. 35. Петрозаводск, 1962. С. 62—79, 92—106.

Балашов 1963 — *Балашов Д. М.* Вопросы современного состояния фольклора (к теме монографического изучения фольклора Терского берега Белого моря) // Научная конференция, посвященная итогам работ Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР за 1962 год. Тез. докл. Петрозаводск, 1963. С. 55—57.

Балашов 1965а — *Балашов Д. М.* Печора и ее сказители // Север. Петрозаводск, 1965. № 3. С. 73—84.

Балашов 1965б — *Балашов Д. М.* Традиционное и современное // Наука и религия. № 12. 1965. С. 26—30.

Балашов 1966 — *Балашов Д. М.* История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966.

Балашов 1970 — *Балашов Д. М.* Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу // Сказки Терского берега Белого моря / изд. подгот. Д. М. Балашов; отв. ред. Э. В. Померанцева. Л., 1970. С. 7—31.

¹ К 85-летию Д. М. Балашова был выпущен мультимедийный диск «Эпос и духовная лирика Усть-Цильмы в записях Д. М. Балашова (Из собрания Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН)».

Балашов 1971 — *Балашов Д. М.* Как собирать фольклор (руководство по сбору произведений устного народного творчества). М., 1971.

Балашов 1983 — *Балашов Д. М.* Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. № 4. Л., 1983. С. 103—112.

Балашов 2005 — *Балашов Д. М.* Пунктирные линии. СПб., 2005.

Балашов, Бегунов 1962 — *Балашов Д. М., Бегунов Ю. К.* Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 420—425.

Балашов, Марченко, Калмыкова 1985 — *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

Дюжев 1997 — *Дюжев Ю. И.* Обретение святынь // Север. № 8. Петрозаводск, 1997. С. 147—160.

Коржов 2007 — *Коржов Д.* Кольчуга памяти и любви // Мурманский вестник. 17.11.2007.

Народные баллады 1963 — Народные баллады / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963.

Путилов 1964 — *Путилов Б. Н.* Народные баллады // Вопросы литературы. № 4. М., 1964. С. 204—208.

Русская свадьба 1980 — Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) / изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1980.

Чистов 2006 — *Чистов К. В.* Забывать и стыдиться нечего... СПб., 2006.

Шибанова 2008 — *Шибанова Н. Л.* Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в архиве Карельского научного центра РАН // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 33. СПб., 2008. С. 425—475.

Сокращения

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН.

Summary. The article analyses the period in D. Balashov's life when he dedicated his talent, energy and time to collecting and studying of Russian folklore. Scientific ideas and expedition materials of D. Balashov's folkloristic legacy published and archived at the Karelian Scientific Center RAN are analyzed.

Key words: folklore studies, folklorists, folklore collecting, history of science, D. Balashov.

Г. И. МОРОЗОВ
(Москва)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КРАВЦОВ

Аннотация. Научная биография видного филолога, фольклориста, заведующего кафедрой русского устного народного творчества МГУ с 1962 г. Н. И. Кравцова (1906—1980).
Ключевые слова: фольклористика, фольклористы, филологи, Н. И. Кравцов.

Николай Иванович Кравцов родился 24 июня 1906 г. в крестьянской семье в слободе Орехово Области Войска Донского (теперь — Волгоградская обл.). До десятилетнего возраста он жил в слободе, где окончил двухклассное училище. Отец его погиб в начале войны 1914 г. Мать с Николаем переехала в г. Камышин Саратовской области, где он учился в реальном училище, а затем в школе второй ступени. По окончании школы Кравцов поступил в Московский институт слова, который окончил в 1925 г. по литературному отделению. В 1926 г. Кравцов поступил на второй курс литературного отделения историко-этнологического факультета 1-го Московского государственного университета и окончил его по русскому и западному циклам в 1929 г. В результате он получил широкое филологическое образование и глубокие знания по изучавшимся предметам.

Кравцов рано стал заниматься научными исследованиями. Он написал и защитил три дипломных сочинения. По ним сразу были изданы две книги и статья. Одновременно он вел научную работу в Академии художественных наук, в фольклорных экспедициях Академии наук и Московского университета в нескольких губерниях, читал лекции на заводах и в клубах г. Москвы.

В 1929—1932 гг. Кравцов работал редактором Государственного издательства художественной литературы. В 1931 г. он женился на сотруднице библиотеки этого издательства. В 1932 г. у них родился сын Дмитрий¹. В 1933 г.

¹ Дмитрий Николаевич Кравцов — доктор химических наук, сотрудник АН СССР.